

Михайл Дзюба

ИСКАЖЕНИЯ

Михаил Дзюба

Искажения

«Издательские решения»

2014

Дзюба М. Г.

Искажения / М. Г. Дзюба — «Издательские решения», 2014

Сюрреалистическое путешествие вглубь воспаленного сознания. В область торжества иллюзии, где галлюцинация реальней, чем сама реальность.

Содержание

Часть 1	6
Часть 2	14
Часть 3	24
Лупанар25	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Искажения

Михаил Дзюба

© Михаил Дзюба, 2014

© Марина Гончарова, обложка, 2014

Благодарности

Виктория Коханова

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Часть 1

Я плохо пахну. Это потому что у меня гипергидроз¹. И совершенно неважно, сколько раз в день я принимаю душ. Несколько минут спустя моё тело вновь сочится запахом протухшего яйца.

Про гипергидроз я знаю всё. Я – энциклопедический словарь по гипергидрозу. Общий и локализованный; этиология² – нервные заболевания, туберкулез, вегетососудистая дистония, падение глюкозы в сыворотке крови. Часто – мацерация, то есть размягчение и набухание кожи, что ведет к грибковым и гноеродным осложнениям на поверхности тела. Гипергидроз лечат хирургически. Ювелирная лапароскопия: надрез в области подмышечной впадины, введение рукава с камерой, обнаружение симпатического ствола и пересечение его, ствола этого, током. Моё тело было под ножом хирурга. Через неделю после операции запах вернулся. Словно пес, который всегда находит дорогу домой.

Моя квартира – это многоуровневый склад упакованных в пластик химических соединений. Дезодоранты, крема, присыпки, тальк, одеколоны, туалетная вода, лосьоны, мыло, шампуни, гели для душа. Всюду, в удушающем количестве, влажные салфетки, сухие салфетки, влагопоглощающее и влагоудерживающее белье, одноразовые бумажные трусы и прокладки для брюк, микропорные рубашки и носки, влагоотводящая обувь, вентилируемая верхняя одежда. Весь этот вынужденный косметический арсенал занимает большую часть моего квартирного пространства, и без того скованного бетонным неуютом.

По запаху меня разыскивают ОНИ.

Они уверены в моем проколе. Убеждены, что однажды я совершу непростительную ошибку.

В первую очередь запах я оставляю на деньгах. Деньги – неотъемлемый след цивилизации, от которого цивилизация, вероятно, никогда не отделается. Деньги – единственный перманентный след оставляемый мной.

Я делаю покупки в двадцати, а то и тридцати километрах от того места, где я живу. Дальше невозможно – заканчивается город.

Я умело путаю следы. В толще города я передвигаюсь по диагональным маршрутам. Я избегаю прямых открытых пространств. На открытом пространстве моему запаху есть за что уцепиться. В городской пестроте мой запах покрывается слоем других запахов. И пока мне удается держать Их на расстоянии. Пока я опережаю Их на один ход.

Дело в том, что Они знают, что я что-то знаю. Моё знание сокрыто глубоко в палеокортексе³ моего мозга. Можно сказать этого знания, в общем-то, во мне и нет. В неокортексе⁴, так уж точно. Однако при нужном инструментарии и необходимом опыте, это знание легко извлечь. А Они в полной мере обладают как первым, так и вторым. И мне приходится убегать, прятаться, оберегая то, о чем не знаю сам.

В последнее время на моей коже появилась странная отметина. Боюсь, что это мацерация. Но сказать наверняка – трудно.

Я подхожу к зеркалу. Тонкие и острые черты лица, залысины, угловатое тело. На шее, выше ключицы образование. Та самая отметина terracotta цвета: пятно размером с детскую ладошку.

---

¹ Гипергидроз – повышенное потоотделение.

² Этиология – здесь: причина заболевания.

³ Палеокортекс – древняя кора. Филогенетически самая древняя часть коры больших полушарий головного мозга.

⁴ Неокортекс – новые области коры головного мозга.

Я совершаю обыденный, и опостылевший, ритуал. Втираю антиперспирант в подмышки, сверху – тальк. Нюхаю, изгибая шею; запах протухшего яйца очень далек, но он есть.

Застегиваю пиджак с жестким, плотно облегающим шею воротом, и отметина исчезает.

Ломанная телефонная трель. От неё вздыбился воздух в моей квартире. От телефонной трели корреляция: условная величина спокойствия телефона прервалась, что прервало и мое условное спокойствие.

– Слушаю, – плохо скрываемая дрожь моего голоса.

На том конце inferнальный гул статики.

С каждым звонком телефонного аппарата во мне лампой тревоги загорается один и тот же вопрос: ОНИ?

И все же через телефон Им меня не достать. По крайней мере не в ближайшей перспективе. Я оббил не один порог, заплатил весьма внушительные суммы, чтобы мой провод был подключен через АТС нелегальной бразильской нефтяной компании. Компания, в свою очередь, запитывалась в криминальном районе города Бразилиа. А дальше следы терялись в Атлантическом океане и паутине спутников.

Можно поставить вопрос ребром о необходимости телефона, если он почти прямая наводка. Мушка. Сексот. Но только телефон подскажет мне, что Они рядом. У разменной монеты неизменно две стороны.

Мои ладони вспотели. Я подношу кисти к носу, и обоняние обжигает едкая резкая вонь. Натираю руки нейтральным одеколоном, который стоит тут же, на столике. Проверяю карманы: одеколоны, тальк и влажные салфетки, как всегда, на месте.

Впервые я начал источать зловоние в восьмилетнем возрасте. Я помню первый день учебного года в младшей школе. Я сижу за деревянной партой, моя соседка – кудрявая рыженькая девочка с маленькими ручками, сплошь в рыжих точечках веснушек. Девочка откровенно сторонится меня, пусть и стесняется, или боится, об этом сказать. По звонку она вскакивает и убегает прочь из класса. Так же поспешно покидают классную комнату и все остальные дети. Учительница, высохшая женщина неопределенного возраста, взмахом кисти зовет меня. У нее голос с никотиновой хрипотцой, которым она спрашивает, люблю ли я умываться. Я киваю – люблю. Она отводит глаза, и задает еще вопрос: следит ли моя мама за чистотой меня. Я киваю – следит. Учительница закатывает глаза под вульгарно-накрашенные и алкогольно-припухшие веки. И я, обнаженный в своей правоте, понимаю – она мне не верит.

Улицы спокойны. Город мерно дышит, изредка содрогаюсь в припадках промышленного кашля. Так случается, когда гигантский осьминог завода, распластавшийся в черте города, выбрасывает из себя радугу технических отходов.

Я иду, мысленно рисуя в голове диагонали на проекции городской карты, схемой застывшей перед моим взором. Сегодня мой маршрут на юго-восток: один автобус, один трамвай.

Однажды этот путь я проделал бегом. Тридцать два километра, как показал мой шагомер. Тогда Их ищайки – злобные твари, напоминающие морских каракатиц – засекли мой запах, только-только я вышел из раздвижных дверей магазина. Тогда Они были на расстоянии вытянутой руки.

Пожалуй, в тот раз я испытал самое жуткое ощущение в своей жизни: по хребту ползет огромный муравей страха, на каждом шагу вонзая острые мандибулы в позвонки. Центральная нервная система визжит на ультразвуке. Надпочечники плюются адреналином так, точно их подключили к турбонасосу. Серотониновый удар, во рту привкус металла. Я бежал среди спальных микрорайонов, мои легкие готовы были взорваться. Полагаю, в тот день я слишком халатно отнесся к устранению запаха. За что, собственно, чуть не заплатился.

Зеленый автобус замирает в кармане остановки. Внутри клейкой массы пассажиров и я. Мой запах все еще остается незамеченным. Запах еще часть общей формулы, поэтому я невидимка. Как для Них, так и для окружающих.

Автобус мягко идет среди кирпичных коробок, отрывисто вздыхает амортизаторами на рытвинах и трамвайной колее; на окнах автобуса первые капли дождя. Я не люблю дождь; и все же он смывает мой запах, устраняет шлейф.

Моим первым другом был мальчик по имени Тим. Тим располагал двумя весьма странными аберрациями⁵: он страстно желал быть выше и хотел откусить себе мизинец на ноге.

В случае увеличения роста, Тим был согласен на любую операцию. Но более всего этого десятилетнего мальчишку прельщала имплантация в голennую кость восьмисантиметровых композитных стержней.

С мизинцем же на ноге Тим впал в исключительное извращение. Будучи сыном профессора-хирурга, он регулярно проводил время на лекциях отца. Тим увлеченно играл в анатомичке, где коллекция человеческих потрохов и частей тела тяготела к музейной экспозиции. Такой себе Эрмитаж от человеческой смерти. Он вел беседы с печенью, пел песни с легкими, рассказывал о девочке из параллельного класса яичкам. Тим представлял, как из всех этих запчастей можно собрать человека. Человека, не похожего ни на одного другого человека. И Тим задумал собрать такого человека – гомункула. (Это слово подсказал Тиму отец, когда тот однажды поделился с ним соображения франкенштейновского толка).

В один день Тим решился на эксперимент. Он закрыл дверь анатомички на щеколду, вскрыл одну за другой банки с биомоделями, разложил их вдоль стеллажа. Не хватало левой ступни. Тим полез по стеллажу, ухватил банку с полки и сорвался вниз. При падении банка разлетелась вдребезги, ступня срикошетила Тиму в рот. От неожиданности он откусил маринованный формалином мизинец.

Спустя два месяца после неудавшегося эксперимента Тим стал замечать, что мизинец на его левой ноге начал расти. Вернее, мизинец рос только по ночам, не давая Тиму спать. Мизинец разбухал до размеров футбольного мяча, при этом издавал странный звук, напоминающий трель австрийского рожка. И, главное, в голове у Тима, поначалу ненавязчиво, а после зазубренным металлом, обозначился следующий вопрос: какова была сила столкновения тектонических пластов, которые образовали Большой каньон.

Эта заноза раздражала Тима еще больше, чем растущий ночами мизинец. Вместе с вопросом о пластах, тектоническому сдвигу подвергся и разум Тима. Он считал, что откушенный им мизинец принадлежал геотектонике Хаину⁶. Поэтому только удаление мизинца, и только путем откушивания, могли разрешить проблему. Тим так и не решился откусить палец. Он просто покончил с собой. Весенним утром он запил яблочным соком четыреста тридцать семь швейных иголок, которые превратили желудок Тима в ежа. Мне рассказал это отец Тима, зачем-то лично проводивший вскрытие.

Мой мозг подвергается обработке эффектом Доплера⁷. Автомобили звуковыми лезвиями терзают моё серое вещество: ввжжЖЖЖжжиикк.

Я сбегая вниз по проспекту в тень дворов. Тут намного тише, отчего комфортнее.

Лавочки, аккуратные грядки около-подъездных огородов. Высаженная под линейку трава и разноцветный букет прижившихся в свинцовой действительности цветов. Скромные труды озабоченных бездельем пенсионеров. Возведенная в степень перфекционизма самодеятельная флористика. Не люблю флористику. Не понимаю около-подъездные огороды. Тем более мне не понятно фанатичное за огородами ухаживание. Как, впрочем, мне недоступно понимание перфекционизма.

---

⁵ Аберрация – отклонение от нормы.

⁶ Хаин, Виктор Ефимович (1914 – 2009) – выдающийся ученый-геолог, академик АН СССР.

⁷ Эффект Доплера – физическое явление, при котором приемником регистрируется изменение частоты и длины волн. Например, приближение и удаление от человека автомобиля с включенной сиреной.

Конечно, легко обвинить в перфекционизме меня самого. Пока я не уничтожу, пусть и на время, запах протухшего яйца, я не остановлюсь. И все же мой перфекционизм вызван к жизни обстоятельством. Не более того.

Поэтому я никогда не понимал своего родного брата. Его перфекционизм распространялся на всё, чем бы он ни занимался.

Первым его увлечением стала вольная борьба. Пять лет запойных тренировок, и мой брат достиг уверенных результатов: он выиграл юношеский чемпионат континента и готовился к чемпионату мира. Однако в один день, буквально за три дня до чемпионата, мой брат выбросил сумку с трико в мусорный бак. Чтобы полностью раствориться в изучении военного подводного транспорта – субмарин. Мой брат с пристрастием зависимого углублялся в постижение морфологии подводных лодок. Подними его среди ночи, он мог отчеканить в цифрах подъемную мощность гидравлики шронкеля дизельных субмарин периода Второй мировой войны. А изгибы гребных винтов атомных крейсеров вызывали в нем возбуждение куда большее, чем изгибы женских тел.

Так уж совпало, что биологический возраст моего брата подходил к тому моменту, когда перед ним открывались двери послешкольных учебных заведений. Разумеется, он поступил на инженерский, с последующим устройством в военном конструкторском бюро.

В то утро на вокзале я видел его в последний раз. Синяя куртка, светлые брюки, застывшая в ожидании будущего маска на лице. Мой брат вскочил на подножку вагона, поправил на плече сумку, отмахнулся прощально рукой – и состав унес его в клочковатую рассветную дымку начинающегося дня.

О моем брате почти ничего не было слышно. Лишь скудные письма, написанные ровными строчками конструкторского почерка, иногда случались конвертами в зеленом почтовом ящике. Ещё через шесть лет моего брата перевели в секретную даль, и даже письма почти прекратились. Спустя еще год в двери нашей квартиры постучали. За дверью оказался военный человек морской выправки с васильковыми глазами. Человек каждую минуту скромно откашливался в кулак и рассказал, что мой брат трагически и глупо погиб.

Мой брат был занят в работе над большим проектом. Но совершенно внезапно сорвался из окна высотки общежития. Вроде-как-Государство, через человека с васильковыми глазами, принесло нам сожаления, коробку с немногочисленными личными вещами брата и грамоту, где перечислялись заслуги брата перед Родиной.

Затем – тогда я уже учился в вузе – мне повстречался пьяный мужчина, с неприятными интеллигентскими повадками и интеллектуальной силой в предложениях. Мужчина придержал меня за локоток, заговорщицки подмигнул и сказал, что я очень похож на одного ему знакомого инженера.

Так я узнал, что на самом деле произошло с моим братом. Да, он работал над особо важным военным проектом. Да, упал с высоты. Если быть точнее, он не столько упал. Его уронили.

Первые неполадки в мозгу моего брата обнаружились на ранних стадиях разработки проекта. Он прилюдно ходил по-маленькому в брюки и выкрикивал гадости на товарищей по работе. Это списали на умственное напряжение и вероятность синдрома Туретта⁸. Брата отправили на полгода в санаторий на водах. Вернувшись к работе, он вел себя тихо. Спустя месяц мой брат выгрыз кадык руководителю проекта, попытался откусить ногу какому-то важному подводному капитану, бросил коктейль Молотова в группу младших научных сотрудников. Двое младших научных сотрудников получили тяжелые химические ожоги.

---

⁸ Синдром Туретта – генетически обусловленное расстройство центральной нервной системы. Обычно проявляется в раннем возрасте. Среди симптоматики моторный тик и копролалия – неуместное выкрикивание нецензурных высказываний.

Уволить моего брата, в связи с секретностью проекта, вроде-как-Государству было непозволительной роскошью. Списать в клинику – не исключалась огласка. Поэтому его уронили с двенадцатого этажа общежития сотрудников конструкторского бюро.

Кстати, намекнул мне пьяный мужчина, тот проект, над которым работал мой брат, и по той причине, над деталями которого он был занят, не так уж давно утонул в Баренцевом море. И ещё намекнул, что я – «красная папка». Имея такого брата, пусть и категорично мертвого, нельзя рассчитывать остаться вне поля зрения. Это вот так намекнул мне пьяный мужчина с неприятными интеллигентскими повадками и интеллектуальной силой в предложениях.

Они знают, что я что-то знаю.

С той встречи с неприятно интеллигентным мужчиной, я поменял восемь адресов и шесть городов проживания. Я сменил семнадцать имен. Два раза перекраивал внешность. Однако мой запах держит Их по моему следу.

Последний год я живу в этом городе – болеющим индустриальным как прошлым, так и будущим. В городе, отчасти маскирующем в своих выбросах мой след.

Дождь почти прекратился. Грязный асфальт парит удушливыми испарениями, влажная пыль тяжелит слизистую. Я прочищаю нос и горло. Смахиваю пленку с глаз, и шагаю дальше к трамвайной остановке.

На пешеходном переходе меня подрезает китообразная машина. Из окошка автомобиля вытекает наружу нездорового цвета лицо, почти трещащее по швам от наростов жира. Под жиром лица каким-то чудом сохранились глаза и рот. Остальное имело тестообразную массу. Изнутри жира лица исходят басистые фонемы относительно моих качеств пешехода. Я наклоняюсь к булыжнику, чтобы, как в надоедливую псину, швырнуть им в жир-лицо. Жир-лицо поднимает стекло на двери своей китообразной машины и удирает, обдав меня выхлопными газами.

В этом мире очень трудно быть пешеходом. У пешехода, не смотря на написанные буквами права, этих самых прав не так уж много. Для пешехода осталось слишком мало места. Пешехода везде и всюду теснят жир-лица, вальяжно разъезжающие в китообразных повозках. Пешеход зачастую оказывается виноватым в дорожно-транспортном происшествии. А если случается не виновным, в тогда пешехода регулярно втирают в дорожное полотно протекторами качественных шин. Пешеход – это рудимент постиндустриального социума. И чтобы пешеход меньше путался под колесами, для него придумали общественный транспорт. Пешехода отучают быть пешеходом насильственной инсталляцией механизмов, отбирают у него право ходить.

Когда я переехал впервые, моей квартирой стало однокомнатное помещение на втором этаже в блочном девятиэтажном здании. Входная дверь прочностью и надежностью напоминала фанерный лист; на двери одиноким гвоздиком укрепили цифру «8».

Комнатка была залеплена желтыми отваливающимися обоями. В комнате стоял хромающий на одну ножку старый диван, телевизор, дешевый платяной шкаф. Пылилось в углу барочное пианино, призрак некогда жившего тут творчества. Пианино говорило на каком-то страшном, даже где-то потустороннем, языке звуков. Из окон, как мокрой тряпкой по лицу, бил унылый двор, заполненный проржавевшими остовами детских качелей.

Я помню, как впервые лег спать на диван с хромающей ножкой, и как быстро уснул. В ту первую ночь, меня во сне кто-то долго и увлеченно выжимал, мял и выкручивал, будто я был мочалкой. Я помню, что проснулся от резкого рывка за ноги. Я открыл глаза: в подножье дивана, наполовину закутавшись в измятую простынь, сидела маленькая собачка в вязаной шапочке с надписью «SPORT». Собачка выпучила глазки-бусинки, облизнула нос и тихим голосом произнесла: «Хватит разговаривать с самим собой!» С того момента я знал, что в квартире я не один.

Кто-то проявил себя не так уж скоро. Прошел, пожалуй, месяц с той ночи «мочала». Я готовил ужин – бобы в томатном соусе, макароны-спиральки, зелень, галетное печенье – как над плитой, в газовых трубах, раздался то ли писк, то ли свист. Звук нарастал, что, разумеется, не могло быть обыкновенным галдежом старых труб. Затем звук оформился в нечто связное: было похоже на бесконечный поток слов трехлетнего ребенка, задающего вопрос за вопросом.

Я сел на табурет, прислушался. Поток слов нарастал, и паровозным гудком – с такой же интенсивностью и громкостью – в мою кухню ворвался мужской голос.

Кто-то родился в четырнадцатом веке. Кто-то совсем не помнил своего имени. Кто-то был провидцем.

Мы общались с ним каждый вечер, во время ужина. Кто-то удобно располагался над плитой, там, где соединялись газовые трубы, и рассказывал мне о себе. Обо мне, как ни странно, Кто-то совсем не спрашивал.

Кто-то плохо помнил свои предыдущие жизни.

Осколками в его памяти осталась пожирающая Европу чума. Помнил себя поваром многочисленной армии под руководством пухлого истеричного человека. Помнил поля сражений, на которых пахло порохом и смесью вина с кровью. Помнил себя рабочим в группе людей, с вилами и лопатами бросавшихся на вооруженных солдат. А за спинами солдат возвышался то ли дворец, то ли просто большой дом.

Линейная отчетливая память Кто-то началась в тридцать три года последнего его физического существования.

Кто-то разлепил веки, а перед ним, на хромированном столе, распростерлось тело подростка, сплошь усыпанное рублеными ранами. И Кто-то знал что делает. Он равномерными отточенными движениями правой кисти вскрывал брюшные полости. Исключительно быстро проводил аутопсии⁹. Умело шил холодную мертвую плоть. Рабочее место Кто-то располагалось в небольшом помещении, где мерно гудели лампы дневного света, а плитка пола настаивала на стерильности. В этом помещении Кто-то провел четыре года, пока, в один момент, не отложил инструмент в сторону, снял халат и вышел на улицу.

Кто-то, стоя у стола и проводя вскрытия, все эти годы размышлял над тем, кто он есть. И внезапно, с какой-то умопомрачительной скоростью в его сознание инсталлировалось понимание. Кто-то теперь знал кто он, а именно – Провидец. Ему стали доступны глубины собственного сознания, ему открылась филогенетическая память, память поколений. Кто-то ощущал спираль времени, ее движение. Он видел, как спираль времени делает витки, собирая на витках зазубрины, образуя Единый Марш. Кто-то сказал мне, что я – вне памяти Ананке¹⁰. Я спросил, быть может мой запах – это побочный эффект моего отсутствия в памяти Ананке? «Нет, – ответил Кто-то, – это не более чем гипергидроз, технические огрехи организма».

Последняя моя беседа с Кто-то прошла теплым вечером. Его голос был едва слышен. Кто-то все больше изъяснялся несуразицами. Последние слова Кто-то выдавил из себя, и эти слова были:»... брачные песни сколопендр ну вот никак не обозначали что-нибудь однозначное...»

Я выхожу из трамвая. В сгущающихся сумерках нервно дрожит неоновая вывеска супермаркета.

Я втягиваю голову в ворот пиджака, настроенно семеню по направлению к раздвижным – приглашающим – дверям. В дверях суета, ажитация из человеческих организмов. Я проскальзываю внутрь, в светлую утробу, в подавляющий разум иллюзией выбора магазин.

Я вдруг чувствую, как у основания ворота пиджака начинается движение. Моя кожа на ключице оттягивается. Появляется нестерпимое чувство жжения.

---

⁹ Аутопсия – вскрытие тела. Патологоанатомическая или судебно-медицинская процедура, заключенная в посмертном вскрытии и исследовании тела.

¹⁰ Ананке («необходимость») – термин введенный философом Демокритом. Заключается в том, что в мироздании нет случайности, есть программа, которая задает ход всех событий, движение каждого атома.

Я боюсь самовоспламенения.

Вергилий. Рим. Релевантность. Запрос. Полоний Вортий. Он сгорел на глазах своей семьи. Выпил всего два бокала вина, изрыгнул изо рта пламя и упал обугленной спичкой.

Мой мозг воспламеняется вместе с этой информацией, в носу набухают полипы. Я пытаюсь унять свою мнемоническую аллергию. Для этого мне нужна музыка. Застыв у стойки с пестрыми коробками, проигрываю в голове вступление ко второй симфонии Баха. Музыка играет в моём среднем ухе, своими волнами снимая мнемо-аллергический пароксизм.

Первый приступ мнемо-аллергии случился у меня в тринадцать лет, на детской базе отдыха.

База отдыха представляла собой закрытую систему, где отдых напоминал процесс дрессировки агрессивных приматов. А персонал базы отдыха на досуге, очень похоже, увлекался чтением трудов психиатра-изувера Эриксона¹¹. После чтения, персонал с нескрываемым удовольствием апробировал почерпнутое знание на практике.

Я помню себя задумчиво бредущего по острому краю утеса. На мне белая футболка и синие шорты. Точно такая же форма одежды, как и у других ребят нашей группы.

Наша группа совершает очередную «образовательную вылазку». Группу возглавляет вожатый, всем своим видом имитирующий волнистого попугайчика. В ходе образовательных вылазок мы изучали флору и фауну близлежащих пляжей и скал.

Мы взбираемся к пику утеса. Волнистый вожатый замечает ползущего в пыли крупного зеленого жука. Он останавливает группу. Сухим потрескивающим голосом зачитывает страницу из брошюры, торжественно извлеченной из нагрудного кармана рубашки. Вожатый акцентирует несколько характеризующих жука слов. Для усвоения свежих знаний, он предлагает нам, детям, выбрать слово, чтобы запомнить характеристики этого жука. Я ненадолго задумался и остановился на слове «хитин». Но моё слово вдруг вспыхнуло ярким пламенем, в голове забушевал пожар.

Я помню, как оступился и чуть не сорвался с узкой дорожки, а мое сознание устремилось к темноте.

Темнота навалилась черным ящиком. В этом ящике кружили звёзды и цветные маслянистые пятна. Маслянистые пятна образовывали купол, в сердцевине которого плотно набухали огромные влажные губы. Губы беззвучно шевелились, мягко соприкасались, словно ожидая жгучего поцелуя. Затем губы напрягались так, будто только что свершившийся поцелуй оказался мерзостным. Влажные губы постепенно стали исчезать в растекающемся куполе. Темнота рассеялась, стала пепельно-серой дымкой.

Я помню свое возвращение в сознание: я лежу в тени ветвистого дерева, во внутреннем ухе играет музыка, снимающая мой самый первый приступ мнемо-аллергии. Я чувствую, как вся слизистая моего тела обрастает полипами, моё тело дрожит. Несколько детских лиц, находящихся в пепельно-серой дымке возвращающегося зрения, склонились надо мною. Я приподнимаю голову и вижу, что волнистый вожатый наблюдает глянцевую поверхность моря и грызет ноготь на большом пальце левой руки.

Кожа на ключице немного остывает, поэтому я уже могу двигаться. Отходя от стойки с коробками, я заметил несколько любопытных взглядов, хорьками метнувшихся в мою сторону. И тут же хорьки-взгляды вернулись к изучению содержимого полок.

Я иду среди разноцветных рядов, механически складывая продукты в корзинку. Бобы в томатном соусе, макароны-спиральки, зелень, галетное печенье. Моего обоняния касается мой собственный, но от этого не менее раздражающий, запах протухшего яйца. Я нашариваю одеколон в кармане. Однако сейчас воспользоваться одеколоном я не могу – вокруг слишком много людей. Я продвигаюсь к кассе, где в очередной раз оставляю свой запах на деньгах.

---

¹¹ Милтон Эриксон – американский психиатр, изобретатель медицинского гипноза.

Я дам Им еще одну зацепку.

Хваткий взгляд девушки в форменной одежде работника супермаркета буравит меня. Я вижу, как между ее пальцев проскальзывают разряды статического напряжения, как пульсируют вздутые на лбу вены. Я отворачиваюсь от неё, вынимаю горсть купюр.

Удар бесконечной боли в области ключицы. Ключицу охватывает адским пламенем, я проседаю на одно колено, выдох-вдох.

У основания ворота вновь начинается движение, и через секунду ворот рубашки рвётся. Из терракотового цвета образования на шее, на хоботке, напоминающем дождевого червя, тянется наружу маленькое лицо. Лицо моего первого друга – Тима.

Лицо Тима осталось таким же, каким было тогда, в гробу: совсем отсутствующее, белесое невинное. Я смотрю в это знакомое лицо, смотрю на порванный ворот рубашки, и моё сознание готово себя потерять.

Девушка в форменном чепчике и фартуке работника супермаркета берет меня за сгиб руки излучающими молнии статического электричества пальцами. Она узнала меня. ОНИ узнали меня!

Готовое потерять сознание вдруг оживает, принимается беззвучно вопить. Случившийся негатив действительности набирает контраст.

Червяк Тим откашливается, тем самым привлекая моё внимание.

Червяк Тим голосом мальчика Тима – звонким, но несколько тягучим – отчетливо произносит:

– И ты все еще стоишь на месте?

Часть 2

Я бегу.

Сквозь размытые обрывки кирпичного пейзажа и натужной работы моих легких проникает видение полузабытого воспоминания.

Крутой глиняный обрыв коричневым ковром падает к покрытому зелёной тиной озеру. По берегу озера, сохраняя уважительное расстояние, на брезентовых стульчиках сидят рыбаки. Пустые корзинки для улова, серые змеи удочек, невидимые в лучах солнца лески. Появляющиеся и исчезающие концентрические круги на воде.

Я и Тим, беззаботные мальчишки, шагаем по краю обрыва. В руках Тима его любимая игрушка – Витрувианский человек¹². Витрувианский человек забавно шевелит своими восемью плюшевыми конечностями в такт шагам Тима. На застывшем, даже мертвом, лице Витрувианского человека отражение жестокой глупости мира.

Я и Тим останавливаемся на рыхлом острие обрыва. Внизу, лаская пальцами рукоять удочки-змеи, на брезентовом стульчике притаился рыбак. В ожидании клёва он нервно тербит свой брезентовый кепи.

Тим затыкает Витрувианского человека за пояс хлопчатобумажных шортиков. Поднимает увесистый глиняный ком с земли, взвешивает его на ладони. Тим смотрит на ком, на рыбака. В глазах Тима я вижу тот огонь желания шалости, который не загасить и угрозой смертной казни. Тим в последний раз складывает в голове уравнение высота-ком-траектория-рыбак; кидает мне лукавую улыбку. И глиняный ком срывается с руки Тима. Ком рисует в воздухе плавную дугу, после чего миллионом осколков разбивается о покрытую брезентовым кепи голову рыбака.

В тот день я впервые по-настоящему бежал. Желчная горечь из живота подступила к горлу. Легкие раздувались, словно кузнечные меха. Надпочечники извергали адреналин. Голова затуманена жгучим страхом. Но я был исполнен первобытного восторга.

Я бегу. И вот это, затерянное среди пластов лет, ощущение одновременно жгучего страха с первобытным восторгом вновь наполняет меня. Микрон абсолютной свободы выкраденный у жизни.

Я чувствую, как мои ноги наливаются цементом, как легкие нестерпимо жгут. Быть может останавливаться смерти подобно, однако смерти подобно и продолжать бег.

Я прижимаюсь к зеркальной стене. За стеной, очевидно, бурлит жизнь непринужденного вечернего отдыха.

Секунды проваливаются с невероятным грохотом, сокращают дистанцию между мной и Ними.

– Кхм, – откашливает на шее Тим, – заглянем? – и Тим указывает глазами на зеркальную стенку.

За зеркальной стенкой несколько десятков людей. Люди пестро одеты, в их одеждах преобладают жгучие цвета. В руках у людей изящные бокалы; люди ведут тихие беседы между собой. В атмосфере витает ожидание.

Моё появление, – в неразлучном тандеме с запахом, – встречается робкими взглядами и редко наморщенными носиками. Люди одновременно смещаются в сторону от меня, но делают это так, чтобы меня не обидеть. Разговоры затихают, свет становится ярче.

Из-под тяжелой бархатной занавеси выходят мужчина и женщина. Они обнажены по пояс. В их руках букеты цветов. У мужчины пять желтых роз. У женщины – полностью

---

¹² Витрувианский человек – знаменитый рисунок обнаженного мужчины в двух проекциях. Автор рисунка Леонардо да Винчи.

закрывая большую кольшущую грудь – охапка лилий. Мужчина садится на стол, женщина на стул. Оба долго смотрят друг на друга. Их лица обездвижены, их лица – выжженное плато.

Мужчина протягивает свой букет роз, женщина почти неуловимым движением бровей букет отвергает. Настаёт черед женщины предложить букет. Мужчина остается хладнокровным; и букет из лилий сохраняет тайну роскошной груди. Действо с предложением цветов длится ещё какое-то время. Свет над актерами периодически меняется в интенсивности: то наливаясь добела, то угасая до бледного свечения.

– Антракт, – говорит выглянувший из-за бархатной занавеси низенький человек с залысиной, – антракт, господи.

Актеры на сцене замирают. Зрители аплодируют не очень громко: экономят силы, чтобы в полной мере отдать должное по окончании спектакля.

Я сижу на велюровом пуфе, с нескрываемым облегчением натирая руки одеколоном, пусть в данный момент это совсем уже не важно. Они рядом. Им остается всего ничего, и я окажусь в Их полном распоряжении. Возможно, по этой причине Они не спешат, растягивают. Пытаются психологически меня истощить, обнажить нерв.

Тим на шее уснул.

Я вижу, как в поле моего зрения появляется женский силуэт. Я фокусирую взгляд. Передо мной высокая девушка. Её руки сплошь инкрустированы плетеными серебряными браслетами. Утонченные пальцы в россыпи золотых колец с крупными камнями. Девушка плотно затянута в глянцево-черный латексный корсет, переходящий в латексные бриджи. Девушка оставляет левую ногу на вылете, открывая мне чудесный вид на вязь татуировок, покрывающих внутреннюю сторону бедра. В контексте данного заведения, эта девушка совсем не кажется мне чем-то неуместным.

– Думаю, нам пора. Совсем скоро Они, – «Они» девушка произносит небрежно, словно «Они» назойливые, но весьма привычные насекомые, – будут здесь.

Второго акта я решаю не ждать.

Я стараюсь держаться чуть позади девушки, чтобы мой запах не беспокоил её обоняние. В проплывающих мимо стеклах я вижу наше отражение: сторбленный и худощавый силуэт меня в кильватере статных и великолепных её форм.

Я собираюсь с мыслями. И мысли неизменно упрутся в одно: моё положение овечки на привязи булавкой колет в мышцу гордости.

– Вы, – я откашливаю в кулак скованность, – вы не обессудьте, что я плетусь веревочкой позади. Мой запах, знаете ли, весьма обескураживающий.

Она снижает скорость, на ходу берет меня под руку.

– Не стоит волнений. Запахи меня ну вот никак не беспокоят, – она потирает утонченным пальчиком свой точеный носик, а затем смотрит на меня. – Мармарис. Так меня зовут. А он милый, – Мармарис поглаживает голову спящему на моем на плече Тиму. – Вам следует просто идти со мною. Тут недалеко, – Мармарис неопределенно машет изящной рукой куда-то налево. – Идемте; и не задавайте вопросов, всё расскажут позже.

Булавка насквозь пробивает мышцу гордости. Уже почти не больно. Я покорно следую на поводке по запутанной сетке городских улиц.

Полотно рекламы флагом плещется над серой площадью, зажатой внутри жилого массива. На флаге пухлый мужчина с беспричинной радостью обнимает банку маринованных грибов.

Размышление о маринованных грибах подступает к моему горлу привкусом тошноты. Я подавляю тошноту, и вспоминаю, как на одном из дней рождения Тима мы наелись маринованных грибов. Захваченные духом мальчишеского соперничества я и Тим ложку за ложкой проглатывали сдобренные черным перцем и виноградным уксусом маслята и лисички. Слизкий маринад тек по нашим подбородкам, и ни один из нас не хотел признавать поражение.

Я помню то чувство абсолютной дурноты, охватившее всё мое тело. Помню жестокий спазм точно в середине живота. Помню медленно наступающее облегчение. Помню накатывающий благодатный сон, унесший тошноту за пределы сознания.

Из воспоминания меня вырывает Мармарис.

Вырывает из моего последнего воспоминания.

– Нам сюда, – подсказывает она.

Мы проходим насквозь погруженный в сумерки двор.

Редкие фонари выхватывают латексные одежды Мармарис из полумрака, что делает ее, с одной стороны, привлекательной, а с другой – совершенно не принадлежащей этому миру.

В луче очередного фонаря материализуется рваное жерло входа на заброшенную станцию метро. Вход напоминает провал грота усыпанного сталактитами и сталагмитами. Я проскальзываю в грот, стараясь не зацепиться за каменные наросты.

Подолы туфель стучат по ребристому металлу ступенек обездвиженного эскалатора.

Длительный спуск по эскалатору сопровождается закладыванием ушей и едва уловимым образом гибкой спины Мармарис. Она бесшумно ступает несколькими ступенями ниже в нарастающую световую яму.

Яркий, при этом не жгущий сетчатку, свет льется из длинных ламп. Сводчатый потолок усыпан битой кремовой плиткой. Стены украшены фресками с сюжетом на темы рабочих. Вот рабочий в каске грозит кому-то кочергой. А вот рабочий с пустым лицом выжидающе смотрит куда-то в будущее.

Пролетариат на стенах сменяется фресками неизвестной мне геральдики: вьющиеся знамена и монументальные в своих размерах звезды, молоты, серпы.

Стены с геральдикой резко обрываются, и мы оказываемся в хорошо освещенном холле.

На заляпанной серой краской стене холла висит эпических размеров картина. Подпись на раме полотна гласит: «Перманентная кастрация». На самой картине дородная работница в цветастом платке и синем комбинезоне режет жирную колбасу, поступающую из автомата футуристической конструкции. Толстые куски колбасы идут по ленте и попадают в утробу с белозубым ртом. Невразумительная, пугающая и отталкивающая фантазия.

В тягостном расположении мыслей я, вслед за Мармарис, покидаю холл и картину.

Мы погружаемся в узкий коридор, в конце которого беснуется разъяренным зверинцем площадь.

Площадь буквально усыпана бабуинами. Бабуины одеты в отчаянно красные рубахи с распашным воротом. Этот вызывающий, горящий цвет одежды, вкупе с неугомонным движением бабуинов, создает некое странное ощущение дикой всепоглощающей пляски огня.

Транспаранты с броскими лозунгами покрывалом укутали площадь. Я читаю несколько лозунгов: «Бей с размаху в толстое хайло – эту бессовестную морду буржуя», «Не отдавай буржуя свои руки – пусть сам их в мозоли трет», «Буржуй не украл – день не прожил».

– Мы в «Лампочке», – говорит мне в ухо Мармарис. – Особо не обращай внимания, бабуины – убежденные Гомонисты. Эти парни сидят тут столько, сколько я себя помню. И столько же вынашивают планы, как им свергнуть неизвестно что и установить неизвестно что своё. При этом они еще ни разу, ну вот провалиться мне на месте, ни разу не высунули нос со станции. Однако книжки замечательные пишут.

Мармарис по ходу нашего движения поднимает с плитки пола толстую книгу. Я смотрю на императивное название: «Вырисовываются силачи гомоняне!»¹³

Мармарис небрежно бросает книгу на место.

---

¹³ Вырисовываются силачи гомоняне! – аллюзия к статье В. В. Маяковского «Будетляне: рождение будетлян», в которой он так называл людей будущей России. В целом «будетляне» – группа русских писателей-футуристов, а так же направление в русском авангардном искусстве 1910–1920-х годов.

– А почему – Гомонисты? – спрашиваю я, провожая книгу взглядом.

– От слов «гомон», «гомонить». Гомон – их основной метод.

Мы останавливаемся в середине площади, где в ряд стоят стиральные машины. Место верхних крышек машин занимают потертые от частого использования рулетки. Над стиральными машинами помигивает красным вывеска «Лампочка».

– Ты! Да – ты! – бабуин, с личиной замшелого рецидивиста, пальцем огромного кулака указывает в мою сторону. – Сразу видно, что на стройках родины ты не бывал!

Бабуин подбоченивается, красная рубаха на груди идет дугой.

– Штык, не нужно на ровном месте бросать в людей необоснованными инсинуациями, – осаживает бабуина Мармарис.

Бабуин Штык надувает щёки, затем обнажает желтые клыки в зевке.

– А что это по нему так видно? Чистой воды интеллигент.

Меня почему-то задевает определение «интеллигент». Я решил постоять за себя.

– Вы, Штык, обвиняете меня в интеллигентстве. А вам самому, как я заметил, интеллигентское совсем не чуждо.

Глаза Штыка чуть не лопнули от накатившего гнева. Бабуин с трудом спохватился, взялся за контрнаступление.

– Надеюсь, уточнишь? – вкрадчивым голосом спросил Штык.

– Картина в холле. «Перманентная кастрация». Картины вашему брату не свойственны, не находите?

Штык прыснул.

– Не картина это.

– Тогда – что же?

– Побуждение к действию.

– Не очень заметно.

– Наша задача, – гомонистов, конечно, – перманентно кастрировать. Кастрировать действительность, философию, желание к рассуждению. Вплоть до тотальной кастрации, когда даже сама кастрация исчерпает самое себя. Мы должны свести мир к понятному. Производственный автомат – понятен!? Более того – прозрачен. Колбаса – понятна!? Могу уверить, что не сложнее пареной репы. Только сделав мир понятным, мы встанем над всем что есть. Вне ярлыков. Вне классов. «Перманентная кастрация» сугубо об этом. Поэтому плакат и есть побуждение к действию.

– Многословно, – я равнодушно веду плечом.

На шее зашевелился Тим. Он вытягивает свое червячное тело к Штыку, презрительно изучает пролетарский анфас.

– Вот скажите: вы уверены в собственной концепции модели социальной конструкции. Вы уверены, что красный – это цвет лучшего мира, а общее на всех благо, благо для каждого конкретного индивида? – едко спрашивает Тим.

Штык подходит к стиральной машине-рулетке, устанавливает шарик, бросает фишку на «зеро» и крутит барабан. Шарик подпрыгивает несколько раз и ложится в паз «29», черное.

– Раз за разом по больному колену, – сокрушенно выдыхает Штык. – Мы им про поступок, они нам анализ. Мы им предлагаем оружие в руки взять, а они в библиотеку за исторической справкой трусят. Интеллигенция, не иначе. Нет, нельзя так готовить фундамент революции.

– А как же, по-вашему, «фундамент революции» необходимо готовить? – не унимается Тим.

С этим вопросом Штык полез внутрь стиральной машины, чем предоставил к наблюдению свои красные, в тон рубахе, ягодицы. Вынырнул, расправил поверх рулетки затрепанный ватман. На ватмане наброски схемы и пространные аббревиатуры. К Штыку подтянулись еще

трое бабуинов, с такими же личинами видавших виды рецидивистов. Бабуины что-то зашелкали на своем языке. Штык сжал руку в кулак, остановив привычный для бабуинов гомон.

– Я скажу, – Штык установил палец на неровном круге в правом углу ватмана. – Это основа. В основе: идеологическая составляющая, – он повел лохматой рукой по комнате, как бы показывая, что идеологическая составляющая присутствует в полном объеме, – и силовая составляющая. Она тоже в наличии. Остальное – действие. – Штык в приступе гордости снова выпятил грудь под красной рубахой.

– А программа для электората? Например, проекты безостановочной ловли ветра, развитие красивых предприятий, тапки со встроенным телевизором, полные склады гречаных хлопьев. И вот чтобы так – честно, без популизма!

Бабуины снова зашелками, обсуждая поступившую информацию.

– Крамольные вещи глаголешь, говарищ! – Штык почесал скудную шевелюру на затылке; бабуины одобрительно зашелкали его словам. – Это какие такие рабочему человеку телетапки нужны?! Рабочему человеку радость одна – отлил чугуна на заводе, домой пришел, лоханку щей влупил, жене сперматозоид поставил для продолжения трудовой династии, и с утра снова к станку. Вот это правильная жизнь. Без упрека! А телетапки только сосредоточиться мешают на вещах действительно нужных. – Штык фыркнул на Тима. – И вообще, что за выражения: «электорат». За такое морды бьют! Либераст!

– Ну тебя, Штык, – фыркает Мармарис.

Штык в один прыжок забирается на стиральную машину-рулетку. Выпучивает глаза. Отбивает на груди своим громадным кулаком короткую дробь. Театрально вскидывает свой подбородок к потолку.

– «Реформатор и фломастер»! – объявляет Штык в неожиданно наступившей тишине. И взвизгивающее принимается декламировать.

Твердой рукой
Оставляю в назидание свой императив
Категорический.
Да и пусть, собаки, знают,
Что почерк мой отнюдь не
Каллиграфический.
Руке мозолистой не пристало быть
Рукой мягкой поэта лирического,
Лапа мозолистая для того,
Чтоб знали подъезды блекло крашенные —
Что вас в говно втоптали!
Сжимаю фломастер,
Уверенным взглядом по сторонам кидая,
В буржуйских парадных
Наглядный такой и крупный член
Торжественно сохраняю.
И выползая из хором весь себе толстый
Буржуй
От жира, как блин, лоснящийся.
Увидит херяку – и матом
Отравится.
А я, дома пирожки уплетая,
Кукиш ему в окно —
Знай, мол, падла, нашу стаю!

И снова фломастер одеколоном тройным
Умело заправляю.

Мармарис тянет меня из пропитанной красным комнаты. Моя спина жжет от испепеляющего гнева общественности. И я ускоряю шаг.

Тим показывает Штыку язык.

Я представляю себя спелеологом, шагая во влажном туннеле, в конце которого никакой свет не горит. В такие моменты течение времени замирает. Как, впрочем, замирает и всё остальное. Лишь смутная проприоцепция¹⁴ самого себя относительно заданного пространства. Постепенно ты и пространство сливаются в единое целое, образуют симбиоз. Чувство, которое можно испытать, если повезет, быть может раз или два в жизни. Мне повезло впервые.

Мы оказываемся на перроне. Поблекший от времени оранжевый пластик кресел ожидания. Повисшие на остатках креплений буквы названия станции. Вывернутые прутья турникетов. Клочки газет. Неестественно замерзший мир, образованный ледниковым периодом от индустриального ветра.

Синий вагон без тележек покоится на рельсах. Вагон освещают два прожектора, отчего как на ладони видны малейшие сколы краски и пиршество коррозии.

Мармарис провожает меня к раздвижным дверям вагона, навсегда уснувшим в открытом положении.

– Все ответы тут. Даже на такие вопросы, которых вы не задавали, – сказала Мармарис, и оправила темные локоны, сбившиеся в комочек на лбу.

Я смотрю на Тима. Он ведет глазами, словно говоря: «почему бы и не зайти».

Я прохожу в раскрытые двери. Внутренности вагона выглядят расплывчатыми в приглушенном свечении масляных лампад. В вагоне отсутствуют диваны. На их месте алюминиевые столы, заваленные пустыми склянками: колбами, ретортами, банками. Под потолком медленно, будто отстающий от нормального времени аутист, крутит лопасти вентилятор. Но его работа напрасна: в вагоне константа из затхлого стоячего воздуха.

В самом центре вагона установлено потертое кресло велюровой обивки. Рядом на треноге покоится внушительный сосуд с темной жидкостью внутри.

– Проходите, присаживайтесь, – раздается голос-скрежет, словно поскребли ржавой железкой по асфальту.

Я присаживаюсь на недовольно пискнувшее велюром кресло.

Сосуд оказывается на уровне моих глаз. Тут я замечаю возле сосуда скромно приютившийся потрепанный динамик, связанный с сосудом пуповиной шнура. В самом сосуде плавает три глазных яблока бледно-желтого цвета и огрызки мозга цвета перезрелой сливы.

– Что же, давайте знакомится, – говорит голос-скрежет из динамика, – меня зовут Полуорганизм. Не буду скрывать, я – да мы все – вас очень долго искали. И боялись, что Они выйдут на вас быстрее, чем мы.

Я беззвучно шевелю губами.

– Что вы, не нужно ничего говорить. Лучше послушайте, – в стеклянном чревателе Полуорганизма проходит рябь из пузырьков, динамик издает звук, отдаленно напоминающий откашливание. – Я, Мармарис и ещё ряд персон, с которыми вы познакомитесь чуть позже, представляют организацию «Демократический союз терраформинга¹⁵».

– И что это значит?

Пружины кресла давят мне в поясницу. Я кручусь, устраиваясь удобнее.

---

¹⁴ Проприоцепция – ощущение частей собственного тела относительно друг друга.

¹⁵ Тераформирование – изменение климатических условий планеты, для приведения атмосферы, температуры и экологических условий в состояние, пригодное для обитания земных животных и растений.

– Просто послушайте. Дело в том, что приблизительно сорок лет назад Их зонды обнаружили в пределах границы нашей Галактики три пригодные для жизни и размножения homo sapiens планеты. Эти планеты максимально приближены по всем параметрам к Земле. И все же оказалось маленькое «но». Это «но» даже не в транспортном вопросе, как можно было бы подумать, а в химическом составе воздуха этих планет. Воздух там состоит из тех же химических элементов, что и земной, но вот азота в нем меньше, а кислорода – больше. Что, как понимаете, затруднит не только дыхание. И вот тут дело касается непосредственно вас.

– Каким образом?

– Запах. Если быть максимально точным, то жидкость из вашего тела. Запах, как понимаете, побочный эффект.

– Не совсем понимаю, – паника начинает проникать во все кластеры моего сознания; я снова готовлюсь бежать. Похоже, эти события – дело Их рук.

Полуорганизм, словно невидимыми антеннами, улавливает мое нарастающее беспокойство.

– Вы, главное, не волнуйтесь. Я чувствую, что вы считаете меня, – из динамика раздается скрежет-покрывание заменяющее Полуорганизму, по-видимому, смех, – Их приспешником. Смею вас заверить – вы ошибаетесь. Да, конечно, у вас нет оснований мне верить, и все же.

Я вдруг четко осознаю, что нахожусь на достаточной глубине, чтобы меня уже никто и никогда не увидел и не услышал.

Паника, пары клаустрофобии и приступ гипергидроза. Я чувствую, как в мышечных впадинах образуются водопады.

Я пытаюсь дышать ровно.

– И что моя жидкость?

– Ах да, отвлеклись. Вырабатываемая вашим телом жидкость не что иное как, – Полуорганизм делает паузу, – не вдаваясь в подробности, назовем жидкость из вас «нормализатором». Своеобразным «упорядочивателем» для естественного общего хода.

– Допустим. Тогда объясните Их наличие? Насколько я осведомлен, Они хотели меня ввиду вполне вероятных моих знаний. Которые, если позволите так выразиться, стали чем-то вроде переданной по наследству семейной ценности, – я улыбаюсь, но улыбка выходит совсем невеселой. – Второе. Чем я интересен вашему союзу терраформинга.

– Для Них, вы – билет к монополизации этих планет. Собственно, и для нас тоже, – Полуорганизм снова покрывает своим смехом. – И между Ними и нами, – да-да, я говорю «нами», так как полагаю, что вы примите нашу точку зрения, – есть, пусть и одна, однако существенная разница. Они жаждут вселенского управления, подчинения всего, и, разумеется, рынка неограниченного потребления. Для нас же это единственный шанс создать тот мир тотальной демократии, лелеемую человечеством мечту. И знаете что? Они искали вас не только с помощью специально натасканных на ваш запах ищек. Они пользовались услугами телепатов, астрологов и других сомнительных личностей. И не нашли! Выходит, ваша судьба дать возможность иной парадигме.

– Только что я столкнулся с Гомонистами. Эти парни тоже мечтают построить дивный новый мир.

– В этом суть того, о чём я вам толкую. Каждый потенциально имеет возможность построить тот уютный мирок, который ему по душе. А детали, краски и полутона – тут важно менее всего. Важно другое. Персональная конструкция должна быть симпатична строителю. И, как понимаете, не мешала другим.

– Разве это возможно?

– Я не смогу дать вам утвердительный ответ. История говорит – нет. Абсурдное чувство «надежда» подсказывает – да. Полагаю, что на начальном этапе этот, что вы хорошо обозначили, «дивный новый мир», вполне может случиться. Как на первых порах у Древних греков.

А дальше, дальше мы умрем и нам будет всё равно. Поэтому на наш век хватит. Звучит эгоистично? А кто из нас не эгоист? – Полуорганизм забулькал и зашипел динамиком от удовольствия собственной энтимеме¹⁶.

Я чувствую себя погруженным в бассейн с липкой водой. Пот струится по мне ручьями, одежда пропиталась насквозь, от запаха начинает кружиться голова.

– Вам, вероятно, мешает червячок на шее, – я вспомнил, что теперь я, буквально, не один. Мое больное тело породило, в общем-то, паразита.

– Мы легко его удалим. Тем более есть у меня подозрение, что червячок долго не протянет, – почти ласково говорит Полуорганизм.

Где-то за перегородкой вагона раздался нарастающий и оглушающий дребезг и лязг. Дребезг и лязг нарастал и оглушал, пока не стал конкретным предметом: бочкообразным роботом с тоненькими манипуляторами, на концах которых, будто термиты, суетились членистые пальцы.

Передвигался робот прыжками, производя этот дребезг и лязг. Клапаны и крышки оглушающе хлопали по железным бокам робота. Но сам робот показался мне счастливым. В его прыжках и лязге было столько беспечности, что это искусственное существо определенно не могло быть несчастным.

– Это Сапог, – представил робота Полуорганизм. – Сапог замечательный хирург. При жизни он оперировал различных представителей истеблишмента. Устав от абсурдности бредовых идей, которыми истеблишмент разражался находясь в наркозе, Сапог наелся специальных препаратов, написал записку, состоящую из фразы «и снова – снова». Затем трансформировался в робота и присоединился к «Демократическому союзу терраформинга». Сейчас, как я понимаю, Сапог деградировал почти полностью, но дело свое он все еще знает крепко, – Полуорганизм видит сомнение на моем лице. – Просто поверьте.

Из Сапога выползает полый фидер с лицевой маской. Маска закрывает мне рот, и я соскальзываю в густую патоку анестезии. Затуманенным взором вижу, как Сапог орудует своими пальцами-термитами на моей шее: проводит пальпацию вокруг терракотового цвета отметины, пробегает по червяку Тиму. Затем достает скальпель, тремя движениями отделяет червячное тело Тима от моего тела. Вводит в вену прозрачную жидкость, отправляя меня в благодатную пустоту.

В маслянистой пленке бессознательности вяло шевелит плавниками гниющая с головы рыба иллюзии человечества.

Я открываю глаза и обнаруживаю себя всё в том же кресле велюровой обивки. Первое, что я вижу, это приглушенный и слегка изумрудный свет. Этот приглушенный и слегка изумрудный свет нечто, как выразился бы писатель Перле, лимитрофное¹⁷. Нечто такое, отчего действительность никак не наберет свою яркость, не станет действительностью. Я не без удовольствия отмечаю, что отныне моя шея свободна. Больше нет тяжести, нет чужого присутствия. Ощупываю место, где должно было быть терракотового цвета пятно – чистая кожа. И мне хочется посмотреть на себя в зеркало.

Я собираюсь в кучу, приподнимаюсь в кресле. Однако ни громыхающей бочки Сапога, ни жидкостно-баночного Полуорганизма в вагоне нет. Я один. За пределами вагона, глубоко внутри подземных коридоров, странный звук. Изнутри вагона это слышится так, будто за плиткой стен ворочается громадный бегемот, обернутый в целлофан.

Выхожу через замершие уже навсегда двери вагона. Удушливый полумрак. В нитях ламп накаливания жизнь еле видна; кресла ожидания, свисающие буквы, вывернутые прутья турни-

---

¹⁶ Энтимема – сокращенный силлогизм. В теории аргументации энтимема – неполный аргумент, недостающие части которого подразумеваются как очевидные.

¹⁷ Лимитроф – от латинского *limitrophus* – пограничный.

кетов оказались по ту сторону света. Станный звук стихает, словно бегемот в целлофане дал деру вглубь подземных коридоров.

Я чувствую, что мне неуютно. Впервые моё принужденное болезнью одиночество, но легко принятое, давит. Ровно до этого момента моё одиночество было мировоззрением. Теперь же стало грубым задником действительности. И к этому придется привыкать.

Та сторона света раздвинулась. В интимном свечении ламп накаливания появился Полуорганизм.

Механическая коляска, с прикрепленным сверху сосудом Полуорганизма, протарахтела мимо меня. Три глазных яблока внутри банки повернулись в мою сторону.

– Прошу вас следовать за мной, – скрипнул динамик.

Механическая коляска, поскрипывая, набрала приличный ход. Мне даже пришлось перейти на бег трусцой. Когда моё дыхание участилось, коляска остановилась.

– Вот сюда, будьте любезны.

Полуорганизм вкатился за скрытый тяжелой атласной портьерой альков. Я проследовал внутрь.

Альков был пустым, за исключением внушительной медной фигуры утконоса с прямоугольным отверстием в брюшине. В прямоугольном отверстии, игнорируя логику механики, хаотично, вращались шестерни.

– Это автоматон¹⁸, – ответил на мой немой вопрос Полуорганизм. – Он визуализирует карту видимой Вселенной.

Полуорганизм оборвал себя на полуслове. Закатился за автоматон, где, по-видимому, наехал колесом на скрытый рычаг. Шестерни в брюшине автоматона завращались чуть быстрее.

– Уже вот-вот, – пообещал Полуорганизм. – Как у вас с астрономией? Впрочем, не имеет значения. Сейчас автоматон покажет карту видимой Вселенной. Ту, куда проникли взгляды телескопов.

Автоматон-утконос запищал, пугающе разошёлся его клюв.

Посреди алькова повисло голографическое изображение скоплений светящихся точек, туманностей, кругов, спиралей.

На увенчанном горлышком сосуде Полуорганизма загорелась рыжая точка, и изображение Вселенной стало размытым – Полуорганизм что-то искал.

– Подождите секундочку, – сипнул динамик. – Это Галактика Млечный Путь. Наша с вами. Обратите внимание на этот квадрат, вот же – сто пятьдесят градусов по долготе. Увидели? Рукав Персея. И дальше – за Внешним Рукавом.

Я вижу, что ничего не вижу. Пустая синева. Тонущая сама в себе перспектива.

– У вас тоже, наверное, есть это ощущение «ничто», – и уже во второй раз Полуорганизм ответил на мой немой вопрос. – Однако присмотревшись можно её увидеть.

Полуорганизм увеличил фокус, навел резкость.

Теперь я вижу блекло-синий эллипсоид. Планета.

Чуть левее – горящий фонарик. Солнце.

– Чистый Уэд¹⁹. Так мы называли эту планету. Скажете пафосно? Ну и пусть, – Полуорганизм замолчал, в динамике шелкнуло статикой. – Чистый Уэд находится на расстоянии в сорок четыре тысячи световых лет от Земли.

– Далеко.

---

¹⁸ Автоматон – механическое устройство, выполняющее по заданной программе, без участия человека, процессы получения, передачи, преобразования и использования энергии или информации.

¹⁹ Уэд – арабское название сухих долин временных или периодических водных потоков, заполняемых во время ливней.

Мне вновь неуютно. Липкий пот струится по мне. Пот смешивается с топким одиночеством, с пустой синевой ничто, с безликими грубыми цифрами.

– Не близко, правда. Но оно того стоит. Хотя, знаете, проблемы транспортировки, в целом, нет. Телепортация.

– Невозможное возможно?

– Все невозможное в какой-то момент становится возможным. Телепортация не исключение. Что вы скажете, а? Согласны? Согласны стать необходимым элементом? Согласны стать Отцом?

Мне трудно принять себя элементом. Ещё труднее принять себя Отцом.

– Только «Прощание славянки» не нужно играть, договорились?

Часть 3

Неотменимая модальность зримого²⁰. Россыпь цветного бисера сигнальных ламп. Чернильная резина пола. Обивка капсулы в сетке морщин. Покрытое каплями нашего дыхания толстое стекло иллюминатора двери. На периферии зрения – Мармарис. Её мерное вздымание груди под тугим кожаным плащом, её острые скулы. Над головой Мармарис табло секундомера.

Он сказал, пока не загорится красным один.

Как только на табло появится красная цифра «один», нас – меня, Мармарис, капсулу – разложит на молекулы. Мармарис, видимо, не волнуется – у неё есть опыт. Её молекулы неслись через всю Галактику не единожды. Молекулы Мармарис разбегаются друг от друга уже несколько десятков раз, чтобы через секунду собраться вновь. Через секунду и я стану бегущими друг от друга молекулами.

Очень странно поймать себя на мысли о том, что поймал себя на мысли. На мысли о побеге. Если быть откровенным перед самим собой, выходит, я бегу всегда. И чем дольше бег, тем легче это делать. Вначале отмечаются детали: имена, люди, события. Позже, когда несешься во всю грудь, едва можно уловить целые пласты жизни. Пласты отламываются незаметно и тихо.

Со временем наступает момент абсолютного вакуума. Затем бесконечная прострация, которая вытесняет даже вакуум. И в этом нет Их вины. И чьей-либо другой. В этом нет вины как таковой. Бег – это исключение порочной заплесневелости.

Я словно тот дублинский еврей в старом ирландском романе²¹. День длиною в жизнь. Или жизнь длиною в день. Стоит ли искать верное определение. Он же искал суждение о ней. Всё думал, изменяет ли она; рубенсковских телес изможденная заплесневелостью, но ещё сохранившая привлекательность. Возмнившие себе думали трогает ли она себя там, предаваясь воспоминаниям о молодом герое. А дублинский еврей заплесневелой кучей собственных дневных умозаключений лежит рядом. Боится потревожить.

Любить и бояться. Нет ничего хуже.

Острые грани гаек. Серо-стальные огромные гайки. Настоящие. Неотменимые. Вытянуть руку и потрогать. Искусная работа по металлу. Механизм создал крепление механизма. Гладкое, обжигающе-холодное и мертвое. Почувствовать мертвый холод.

Рядом ее рука. Изящная и теплая.

Действительная?

Понять, что действительно. Найти точку опоры.

Однако где эта точка опоры, когда после красной цифры «один» моё «я» станет неопределенным множеством разрозненных молекул.

Утеряно в памяти его имя, но однажды луч сконденсированных молекул вошел в него знанием. Может и я стану таким лучом, проникающим в кого-то. Он проснется и подумает, что он что-то знает. И все же не будет знать, потому что я не знаю о том, что знаю я.

Уверенность в действительном разрушится карточным домиком. Загорится красным где-то наверху. Мир в один момент вздрогнет. Потеряет заданные координаты. Первый разрыв произойдет в коленном суставе. С непостижимой скоростью разрыв трещинами распростра-

---

²⁰ «Неотменимая модальность зримого» – прямая цитата из романа «Улисс» ирландского классика Джеймса Джойса. Этим предложением начинается третья глава «Протей». Протей был мифическим существом, способным менять свой облик. Здесь, как и в «Улиссе», образ Протея выступает доминантой, своеобразной метафорой к непрерывным метаморфозам событий, явлений, идей.

²¹ ... еврей в старом ирландском романе – аллюзия на Леопольда Блума, протагониста романа «Улисс».

нится повсюду. Молния последнего отблеска света, всё захлебнется в себе самом. Лишь теплая рука.

Действительная?

Темнота действительная. Настоящая. Я ощущаю рядом с собой чье-то присутствие. Протягиваю в направлении ощущения присутствия кончики ногтей. Пронзаю пустоту.

Сбитое дыхание. Моё? И мое тоже.

Я с усилием выпрямляю свинцовые суставы. В ушах шум крови, на губах крови привкус.

– Вы в порядке? – я слышу знакомый голос со стороны ощущения присутствия. – В первый раз всегда так, не волнуйтесь. Главное, чтобы сборка прошла нормально. Без отклонений.

В этом «без отклонений» есть нечто пугающее. Отклониться от себя самого.

Сквозь опухшие веки стремится просочиться новый мир. Новый мир входит в моё сознание обрывками: плоскость стены, едва уловимый звук шипения, оголенная конечность.

Дверь капсулы отворяется, и плоскость стены наваливается непреодолимой тяжестью; я ощущаю неприятное брожение в желудке.

Тугой плащ Мармарис заполняет видимое мне пространство. Мармарис берет меня под руку и выводит из капсулы телепорта.

Непреодолимая тяжесть стены отступает. Я набираю полную грудь воздуха, как вдруг четко осознаю, что новый мир определенно внес качественные коррективы. Моё обоняние теперь не обжигает дух протухшего яйца. Впервые за много десятков лет я узнал воздух на запах. На вкус. Я вновь набираю полную грудь воздуха, задерживаю дыхание, чтобы удостовериться, не обманывают ли меня собственные чувства.

– Я теперь совсем не пахну! – неуверенно говорю я.

– Для меня ну вот ничего не изменилось в этом отношении, – Мармарис закрывает дверь капсулы телепорта. – Но так и должно быть. – Поправляет ремень своего тугого плаща. – Познакомьтесь – Такахаши.

Такахаши – это по коленную чашечку купированная нога. Конечность, которую я видел сквозь опухшие веки. Такахаши-культя обнажен: темные волоски на голени закручиваются спиральками, ороговевшие желтые ногти на длинных пальцах, нервно бьет пульс на выступающей возле подъема вене.

– Нужно собираться. Скоро телепортационная приемная исчезнет. Идемте.

Я следую за Такахаши и Мармарис. В свете невидимых ламп мы минуем анфиладу дверных проемов, после чего останавливаемся в небольшой комнате напоминающей операционную. На кафельном столе две бесформенные субстанции, цвет которых настолько неопишеский, что исключает определение цвета как такового.

– Надевайте, – повелительно говорит Мармарис. Она берет одну из субстанций и прикладывает ее к губам.

Субстанция медленно обволакивает рот Мармарис, скрывая половину её лица.

– Это Потпопы²², – голос Мармарис звучит без искажений, будто на её лице субстанции нет вовсе. – Местная фауна. Потпопы помогут нам дышать, пока мы не доберемся до места. Эти существа – адаптивы, они пропускают через себя здешние газы, на выходе давая привычный нашим легким воздух. Да не бойтесь вы!

Я беру Потпопу в руки. Она невесомая, словно взял в охапку гусиные перья. Прикладываю Потпопу к губам. Она совершенно гладкая, словно обдуло ветерком.

– Не так уж и плохо, – замечаю я, и чувствую, как Потпопа повторяет мою артикуляцию.

– Я же вам говорила. Поспешим.

---

²² Потпопы – аллюзия на Пол Пота (Салот Сар), политический и государственный деятель Камбоджи, политическая активность с 1963—1976 годы. За время правления страной 1976—1979 годы, установил режим жестокой диктатуры, во время которой «задушил» более 3 миллионов человек.

Такахаши мерными отточенными прыжками ведёт нас тусклыми коридорами. Впервые за время пребывания на Чистом Уэде я понимаю, что это самое время мне недоступно. Недоступно понимание времени и всего в нём происходящего. Внутри меня это ощущается так, как будто сбились внутренние часы. И даже не день поменялся с ночью, а ночь уместилась в наносекунду, в которой день бесконечно начинается.

Мы выходим из последнего коридора на холмистый каменный ландшафт. За низкими белесыми облаками яростно бьет ультрафиолетом новое для меня солнце.

Такахаши отмеряет прыжками небольшое расстояние и останавливается. Я оборачиваюсь на то место, откуда мы пришли. Телепортационная приемная – похожая на раскрытую книгу конструкция – постепенно тускнеет, становится прозрачной и исчезает.

– Нужно подождать, – говорит Мармарис, и смотрит куда-то вдаль.

Подождать чего? И сколько ждать? Тем более ждать там, где привычного времени – субъективно – нет.

– А почему Такахаши – нога? – спрашиваю я, удивляясь глупости собственного вопроса.

– Потому что он – нога, – получаю столь же глупый ответ плюс ту иронию в голосе, когда ребенку объясняют очевидное.

– Я имею в виду, как Такахаши таким стал.

– Давняя история. Такахаши был членом одной из группировок Якудза. Всё было хорошо ровно до того момента, пока он не влюбился. А влюбился он, сильно так влюбился, в дочь собственного босса. А дочь босса Такахаши не любила, она любила своего папу. Поэтому Такахаши взорвал босса, дочь и себя. Осталась от Такахаши одна нога. И сон.

– Может быть даже грустная история, – безучастно отвечаю я. – Что значит – «остался сон»?

– Именно сна мы и ждем. Сна Такахаши.

Я смотрю на Такахаши. Всё так же нервно бьет пульс на вене. Затем биение пульса замирает, Такахаши вытягивается всей своей ногой и оседает на каменистую поверхность Чистого Уэда.

– Уснул, – констатирует Мармарис.

И почти мгновенно камень под культей приходит в движение. На месте Такахаши-ноги появляется человек с железной головой. Нет, не столько с головой, сколько с формой головы. Живое подтянутое тело и железная болванка в форме головы.

– Это сон Такахаши – Такахаши. – Мармарис снова представляет Такахаши.

Сон Такахаши приветственно кивает железной болванкой. Там, где должно быть лицо, идут непрекращающиеся метаморфозы. Нос сменяется усами. Усы сменяются губами. Губы сменяются ушами. Уши сменяются глазами. Глаза сменяются подбородком. Нескончаемо.

Такахаши раскрывает левую ладонь. На ладони проявляются литеры.

– Ж-Д-Е-М Т-Р-А-Н-С-П-О-Р-Т, – сообщает он.

Ждать вне времени можно сколько угодно.

Мой мозг только сейчас начинает ощупывать происходящую со мною событийную линейку. Пытается обнаружить ошибку. Это, пожалуй, страх. Попытка обнаружить, зафиксировать ошибку – всегда работа инстинкта самосохранения, и как следствие, страх. Впрочем, понять совершенную ошибку можно исключительно много позже. И так как понимание масштаба ошибки приходит после, этим ошибка и страшна – после исправить уже ничего нельзя.

– Т-Р-А-Н-С-П-О-Р-Т Ж-Д-Е-М, – вдруг повторяет Такахаши.

Мармарис отвлекается от созерцания каменистого ландшафта.

– Рекурсия²³, – говорит она. – Таким образом он поддерживает в себе вектор задачи.

– Зачем же такой проводник, который забывает свою задачу.

---

²³ Рекурсия – повторение элементов самоподобным образом.

– Такахашаи-сон – савант. В его памяти содержится фрактально подробная карта планеты, включая зеркальное отражение Чистого Уэда. И неужели из-за такой мелочи как рекурсия увольнять бесценного сотрудника.

Трудно не согласится. Я киваю головой, показывая, что с утверждением Мармарис мне совсем не трудно согласится.

Неожиданно грунт под ногами приходит в движение. Такахашаи втягивает голову-болванку в плечи и делает шаг в сторону. На месте где он стоял, появляется серебристая коробка лифта. Двери лифта с мягким шипением идут в стороны, обнажая внутренности: вишневого дерева стены вычурной резьбы в духе чиппендейла²⁴ и пять кресел в стиле наполеоновского ампира.

Такахашаи жестом приглашает нас занять места. В кабине лифта ненавязчиво звучит свинг.

Я и Такахашаи расположились в соседних креслах, Мармарис устроилась напротив меня. Мой внутренний гироскоп даёт понять, что лифт движется горизонтально. Я стараюсь быть равнодушным, нарочито лениво перебирая бахрому кресла. Такахашаи из ладони в ладонь перебрасывает литеры: – Г-Е-Б-Б-Е – в левую, из левой в правую – Р-Е-Л-Ь-С. Такахашаи увеличивает скорость переброски букв, отчего буквы сливаются в объемное «РЕ».

Мармарис наблюдает за жонглированием Такахашаи и, видимо устав, прикрывает глаза.

– Скажите, а это больно? – спрашиваю у Мармарис, прерывая затянувшееся молчание.

– Больно – что?

– Мне интересно, каким образом из меня извлекут запах или жидкость. В общем, то, что нужно извлечь. Операция?

– Мне трудно ответить вам исчерпывающе. Насколько известно, процесс извлечения основан на биосинтезе. Из вас выделяют основной фермент, соединят его с местным микроорганизмом. Это все, что я могу вам сказать по данному вопросу, – Мармарис снова теребит складку плаща, резким движением её расправляет, облегченно выдыхает. – Технологией владеет исключительно ТЦП.

Неожиданное появление некоего ТЦП обеспокоило меня. С другой стороны не так сильно, чтобы меня накрыло очередной волной страха. Быть может, я начинаю привыкать к непредсказуемым сменам декораций? Быть может, я просто устал. Так или иначе, меня начинает разбирать любопытство.

– Что такое ТЦП?

– Разве Полуорганизм вам не рассказал о ТЦП?

– Не припомню.

– Это наши друзья. Выражаясь точнее, военно-полевое отделение «Демократического союза терраформинга». Задача ТЦП состоит в непрерывном сканировании Чистого Уэда для своевременного и необходимого военного вмешательства. И так как они военные, а не политики, именно у них хранится технология извлечения основного фермента. Такой подход к делу, я считаю, оправдан. У военных всегда есть возможность как уверенной защиты технологии, так и её уничтожения в случае неудачи, – Мармарис улыбнулась мне уголками губ. – Вы не бойтесь. У нас всё получится.

Я смотрю в глаза Мармарис. В них бесконечное море спокойствия. В этом море, почти, успокаиваюсь и я.

Такахашаи прекращает жонглировать литерами, тянется рукой куда-то под кресло в стиле ампира. Одна из стен вишневого дерева подернулась рябью и стала прозрачной.

---

²⁴ Чиппендейл Томас (1718—1779) – крупнейший мастер мебельного искусства эпохи рококо и раннего классицизма.

За стеной-окном, на каменистом ландшафте, гроздьями раскинулись алмазные сферы и кольца. Сферы и кольца сливались одна с другой, образуя причудливые сооружения. Глядя на них, мне вдруг нестерпимо захотелось лизнуть их, как карамель.

– Что это? – спрашиваю я, не отводя глаз от панорамы за окном.

– Эфирные города-бублики Циолковского, – почти устало отвечает Мармарис, будто сферы утомили её одним фактом своего существования. – В них живут громады Собиральщиков.

Города-бублики. Странное и одновременно смешное название.

А ещё ниоткуда и внезапно объявившийся Циолковский. Сама его фамилия: тяжеловесная и бросающая в грусть.

Я, отчего-то, на протяжении многих лет думал о Циолковском. Хотя никогда не был увлечен космосом. Циолковский для меня всегда представлялся человеком-телескопом. Я не мог поверить, что Циолковский мог быть настоящим – из плоти и крови – человеком.

Вероятно днем, на работе с коллегами, в семье с близкими, когда Циолковский был на виду – он находился в состоянии «человек». Но как только наступала ночь, и Циолковский скрывался от посторонних взглядов, он превращался в телескоп.

Циолковский-телескоп еженощно заглядывал в пространство, всё дальше и дальше отодвигая его границы. Циолковский-человек ежедневно насыщал обнаруженное пространство мыслью. Циолковский находился в непрерывной галлюцинации самого себя, в которой ежесекундно раздвигал рубежи возможного. Он знал то, чего не знали другие. Но он знал. Я же знаю то, что что-то знаю, но что – мне неизвестно.

– Кто такие эти Собиральщики?

– Просто люди, которые нашли себе подобных за пределами действительности, – начала Мармарис. – Основатель Собиральщиков много лет назад преодолел притяжение действительности и вышел за его пределы. Оказалось, что там тоже есть жизнь. Постепенно эти люди стали собираться в обособленные союзы. Занимались собирательством ферм, собирательством глупости и собирательством ругательств в адрес друг друга. Со временем эти люди так увязли за пределами действительности, что организовали узловую громаду Собиральщиков. Когда узнали о Чистом Уэде – первыми и эмигрировали. Теперь размножаются городами-бубликами Циолковского.

Музыка в кабине стихла. Прозрачная стена вновь подернулась рябью и вернулась к исходному состоянию – вишневному дереву. Лифт качнуло, и он остановил свой ход. Створки дверей пошли в стороны.

– В-Р-Е-М-Я Н-Е Ж-Д-Е-Т. – Такахаши молниеносно перекидывает литеры на ладонях и покидает кабину.

Лупанар²⁵

Узкий проспект, покрытый бетонными плитами. Края проспекта погружены в густую дымку.

Ряд сторбленных фонарей, их основания обрамлены барельефами с теофанией²⁶ Того-Самого-Героя. Лампы фонарей пугающе бесцветны: мертвые глаза лежащего у края дороги сбитого животного.

Мы неспешным шагом пересекаем проспект. Эхо стука наших подошв поднимается вверх, превращается в легкую барабанную дробь. Я представляю, как эта дробь может выглядеть: и дробь проявляется белой пунктирной линией.

В дальнем конце проспекта яркими желто-голубыми буквами светится вывеска «Бар Лупанар». Выдуманная мною белая пунктирная линия упирается в заглавную букву «Л».

– А-А-А-А-Б-Б-Б-Б! – над нашими головами раздался оглушающий рев.

---

²⁵ Лупанар – или Лупанарий. Во времена Римской империи в городе Помпеи так назывались публичные дома.

²⁶ Теофания – богоявление. Непосредственное явление божества во многих религиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.